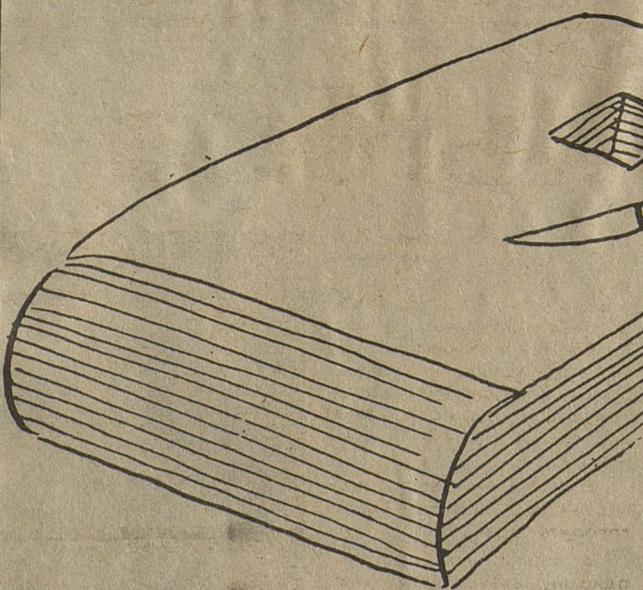

А новое так отрицает старое!
 Так беспощадно отрицает старое,
 Как будто даже не подозревает,
 Что, не успев заметить, станет старым.
 Но — новое, уж так ли оно ново?
 Не повторяет ли оно зады?
 К чему рваться в новые одежды?
 Оно само старо!
 Оно стареет на глазах!..

А. ВОЛОДИН.

Год назад я написал воспоминания о своих встречах с Александром Галичем. Сотруднику издания,

СОВРЕМЕННО

ИЛИ МОДНО?

для которого я это сделал, очень уважаемому музыковеду, мои воспоминания не понравились. «Сегодня, — сказал он, — надо играть словом, а вы пишете, как во времена Телешева. «Фрак народа» — вот что теперь в моде». Как оказался прав искренне уважаемый мной музыковед! Этот «фрак», кощунственно передразнивающий кровавое словосочетание «враг народа», стал крылатым выражением.

Я не против игры словом. Наоборот, сам играю и для «капустников», и для эстрады. Да что там, и в серьезную литературу слово не может войти «необыгранным». Раздумья по поводу творчества, скажем, Лескова, Зощенко, Белого, Пильняка многое проясняют. Но всему свое место и мера.

Открываю «Вечерку» за 9 июля этого года. Заголовки: «Зачем вы, девушки, сосиски любите... «Хорошо сесть на бензин, не правда ль, Зин», «Бег на месте общепримирающий», «Есть надписи на русском языке». Для трех заголовков в одной газете пригодился В. Высоцкий. Четвертый — «Сосиски» — переделанный И. Шаферан. Все вокруг играют словами, пародируют. Пародийная стилистика затопила литературный язык, и под это даже подвели научную базу, утверждая, будто все, что сегодня сочинено иначе, — нафталин. А по-моему, «Зачем вы, девушки сосиски любите» — мода. Причем дешевая.

Вспомните, после фильма С. Крамера «Этот безумный, безумный, безумный мир», огромное количество названий пьес, кинофильмов, очерков начинались словами: «Этот, эта, эти...» Например, «Эта опасная дверь на балкон», «Эти трое», «Эти страшные ребята», «Эта тревожная зима», «Этот зеленый красный мир». В те годы я предложил способ осовременить названия классических произведений. Например, А. Островского: «Эти бешеные, бешеные деньги» или «Это доходное, доходное место». Был еще один способ конструирования названий: «Ария для атлета». С помощью этого образа можно было очень осовременить «Анну Каренину». Назови Лев Николаевич свой роман как-нибудь похлеще, например, «Рельсы для Анны» — получилось бы завлекательно, как «Два мужа для сестры Сары». Я доказывал тогда, что все это признаки моды, а не современности.

Думаю, что нагромождение каламбуров, за которые в прежние времена принято было извиняться (разумеется, не виртуозам — Минаеву, Кроткому, Богословскому), а также все пронизывающая пародийность и ирония — явления того же порядка. Эти явления опасны тем, что, как и положено моде, утверждая свое, отрицают все предыдущее. Как узкие брюки когда-то напрочь отрицали широкие. Все дело в том, что с появлением Платонова, Набокова, Булгакова не исчезают «Одиссея» и «Илиада», созданные до нашей эры.

А так ли уж новые эти иронично-пародийные устремления? Что-то там твердят теоретики о необычайном «сплаве» советских литературных штампов с современной разговорной речью. Стихи Ленского «Куда, куда вы удалились...», как известно, переполнены ходячими выражениями элегической поэзии пушкинских времен, а в «Онегине» так явственно стремление поэта приблизить «высокую» поэзию к разговорному языку. (Тоже, значит, «сплав»?). Кстати, для любителей перефразировок «Мой дядя самых честных правил» перефразировка крыловской строки «Осел был самых честных правил», что известно каждому школьнику. Эвон, когда все это началось, но не заменяло собой:

Подъезжая под Ижоры,
 Я взглянул на небеса
 И вспомнил ваши взоры,
 Ваши синие глаза....

И еще: а не умещают ли старания некоторых наших современников в рамках поэтики обериутов? «Две птички, как одна сова, летели над широким морем» (А. Введенский), «Ноты вижу вижу мрак вижу лилию

дурак» (Д. Хармс), «Жук-буржуй и жук-рабочий гибнут в классовой борьбе» (Н. Олейников, примыкавший к обериутам), «Спит животное собака, дремлет рыба камбала» (Н. Заболоцкий). Господи, да даже М. Исаковский, к обериутам не имевший никакого отношения, писал: «Мы гуляли по лесам местного значения». А Н. Глазков, не забывавший в своем творчестве опыты В. Хлебникова, не предвзрел ли своим неповторимым голосом появление якобы все превзошедшей группы современных иронических поэтов?

Эх, колосья подкосило колесо.
 Ехали да мужики, да на телеге,
 Ехали да пили кюрасо,
 А вдаль текли ручьи да реки.
 Ехали они, куда вела их совесть,
 По дороге обнимали баб,
 А другие люди, философясь,
 Проклинали пройденный этап.

Цитирую эти довоенные стихи Глазкова по памяти. Не попадались они мне в его напечатанных сборниках. До войны он «выпускал» маленькие книжечки собственного производства, на которых было написано: «Самсебяиздат». Думаю, что он предвзрел термин «Самиздат», который впоследствии так прочно вошел в нашу жизнь.

Так что же, нет интересных иронических современных поэтов? Есть. Например, И. Иртеньев, в лучших своих стихах, не притворяющийся, с неповторимым голосом. Только не стоит утверждать, будто все поэты, которые за ним выстроились в затылок, — знамение времени. И Л. Петрушевская неповторима, индивидуальна, и этим бесценна. А все, что «под Петрушевскую», не веление современности, а эпигонство.

Конечно, кроме Л. Петрушевской и И. Иртеньева, имена которых я не выбирал, а просто они первыми пришли мне на ум в результате чтения литературоведческих статей, есть и другие самобытные таланты. И я ни в коем случае не отрицаю течений в искусстве. Но, как известно, чаще всего истинные художники выше групповых деклараций. Ахматова и Гумилев были акменстами. Много ли общего в их зрелой поэзии? А у футуристов Маяковского и Северянина? (Один — «кубо», другой — «эго»). Вот поэтому-то мне и кажется, что называть тех, кого объединяет ирония, пародийность, истинно современными художниками, а все остальное, как нынче презрительно говорится «папино кино», было бы безграмотно.

Спору нет: в наше абсурдное время ирония не без причины стала манящим прибежищем для целого поколения молодых художников. Но ведь крепостное право, повешенные декабристы, «свинцовые мерзости» прошлого — все это ранило души не меньше. Художники сотворили «Недоросль», «Горе от ума», «Ревизора», «Метрвые души», создали воображаемого поэта, прозаика и философа Козьму Прутков, который, кстати, родоначальник русского абсурдизма. Но эти и многие другие подобные создания были частью великого искусства. Ни Фонвизин, ни Грибоедов, ни Гоголь, ни А. К. Толстой вместе с его двоюродными братьями Жемчужниковыми — создатели Козьмы Пруткова, не считали себя единственно возможными выразителями своего времени. Никому из литературоведов это тоже не приходило в голову.

А что вы скажете относительно того, что некоторые литературоведы называют нынче «другой литературой»? Они ведь утверждают, что произошла смена вех и настало ее время — может спросить меня читатель. Ничего не скажу. Я написал лишь реплику и в общем-то по другому поводу. А для того, чтобы ответить на этот вопрос, требуется серьезное литературное исследование. Ведь сколько вех сменялось, скажем, со времен Шекспира, а он до сих пор наш драматург. Вот и задумайтесь: «другая» ли и «литература» ли? Так шутя советовали И. Ильф и Е. Петров с помощью частицы «ли» конструировать названия фельетонов по моде своего времени.

Михаил ЛЬВОВСКИЙ.

305